

ОХ, УЖ МНЕ ЭТА РЕАБИЛИТАЦИЯ или ДЕЛО ПАВЛА РАТНИКОВА

А знаете, что? Я всегда завидовал своим коллегам из Главной военной прокуратуры. Завидовал их возможности регулярно просматривать уголовные дела в отношении военнослужащих, осужденных военными трибуналами в предвоенный и военный периоды.

Ценность этих материалов бесспорна. И не только историческая ценность, а ценность практическая. Те сегодняшние следователи, которые действительно работают с желанием и влюблены в свою профессию, те - меня сразу поймут. Только в этих старых архивных делах можно увидеть тот незабываемый почерк, тот стальной стиль работы оперативно-следственного аппарата тех лет. Старая школа, старая школа...

Речь здесь у меня идёт не о пресловутых «кровавых пятнах» на протоколах допросов всяческих там «тухачевских – якиров - гамарников» и прочей троцкистско-бухаринской слякоти и мерзости. Этих пятен не было. А, если и были, то не кровавые, уверяю вас. Речь здесь у меня идёт о методике работы, о методике исполнения документов, о методике ведения допросов. О том, что следователя делает именно что следователем.

Следователи НКВД СССР и следователи военной прокуратуры довоенной и военной поры руководствовались прежде всего социалистическим правосознанием и классовой убеждённостью. На мой взгляд, это – правильно. Вы полагаете, что сейчас дело обстоит иначе? Практики следственной работы не дадут мне соврать: также всё и обстоит. Просто прежнее именно что правосознание подменено различными безыдейными суррогатами типа «прав человека», «требованиями Конституции» и прочей галиматьёй.

Спросите любого уважаемого следователя-важняка: какой документ должен исполнить следователь первым в уголовном деле? Вы думаете, он ответит, что это протокол осмотра места происшествия? Если вы так действительно думаете – так это вы Марининой начитались. Важняк, в ответ на ваш вопрос (если, конечно, не пьян и не склонен шутить), неизменно вздохнёт и, глядя прямо вам в глаза, ответит: обвинительное заключение по делу.

Вы думаете, что я сегодня склонен шутить? Отнюдь. Уважающий себя опытный следователь или опер практически сразу набрасывает основную версию событий и подтягивает под неё тот разнобой фактов-домыслов-обрывков информации. А уже потом накладывает на неё кальку экспертных заключений, алиби и прочих важных вещей, которые позволят либо упрямо идти дальше по этой версии, либо же решительно от неё отказавшись, перейти к альтернативной.

Мой последний шеф – военный прокурор, полковник юстиции УСТИНОВ Олег Васильевич (царство ему небесное) любил говорить: «Пойми главное: следователь – это не писарь. Он пишет не то, что ему говорят. Он пишет только то, что ему нужно. Не важен ответ клиента. Важен - твой вопрос».

В этом – мудрость старого опытного следователя-волка. А УСТИНОВ – был именно что опытным следственным работником, именно «волком». Он довольно длительное время был военным прокурором одной из военных прокуратур 40-й армии в Афганистане и знал, о чём говорил. Особенно мастерски разваливал круговую поруку. Заведёт одного подельника к себе в кабинет, посадит на стул, даст ему Устав в руки: «Читайте». А сам – сидит за столом, работает с документами. Часа 3-4. А второй подельник – в коридоре ждёт, преет. Потом отпускает первого, сразу же приглашает второго и выкладывает ему убеждённо свою версию событий, ссылаясь на то, что первый подельник – оказался умнее и уже всё рассказал. Второй, как правило, тут же «плывёт». А потом – шоу. Подельники наперегонки топят один – другого, поскольку первый никогда не поверит второму, что тот в кабинете военного прокурора 4 часа кряду ничего не говорил, а «просто читал Устав».

Привести пример его науки? Пожалуйста. В любом вопросе уважающего себя военного следователя должно содержаться утверждение тех фактов, которые он считает для себя доказанными. При этом военный следователь не должен гнушаться изучать те показания допрашиваемого, которые тот давал ранее по обстоятельствам дела и оперировать ими, как установленными фактами, направляемыми на изобличение допрашиваемого. К примеру.

ВОПРОС: Следствием установлено Ваше участие в совершении преступления. Будучи допрошенным в качестве свидетеля 12 января сего года Вы показали, чтоБудучи допрошенным в качестве подозреваемого 16 января сего года, Вы уже показали, что.....А при даче первичных объяснений на месте происшествия сотрудникам милиции Вы показали, что..... Из Ваших показаний тем самым усматривается, что Вы причастны к совершению преступления, путаетесь в изложении фактов и стремитесь тем самым запутать следствие. Прошу сообщить, собираетесь ли Вы дать правдивые показания или по-прежнему желаете запереться и вводить следствие в заблуждение?

Сформулировать такое «попурри», конечно сложнее, чем тупо задать простой односложный вопрос. Но оно гораздо сложнее воспринимается и самим допрашиваемым, толкает его на совершение ошибок, поскольку содержит одновременно и утверждение следователя, и элемент уличения допрашиваемого, и элемент морального давления на него, и изложение противоречий в его показаниях, и предлагаемый допрашиваемому выход из положения – разоружиться перед следствием и дать правдивые показания. При этом сам допрашиваемый вдруг понимает: реально, что бы он сейчас не ответил, какие бы доводы не привёл, это – игра в поддавки, поскольку существует некая константа, которую следствие полагает доказанной. А если он откажется отвечать на ТАКОЙ вопрос – то сам распишется в утверждениях следователя, которые тот уже привёл в самой формулировке своего вопроса.

И таких устиновских приёмов в старых архивных делах – уйма. Вот за что я люблю листать такие дела и вот почему я завидую своим коллегам из ГВП, которые имеют возможность ежедневно читать эти интереснейшие материалы.

Кстати, как правило, в режиме «вопрос – ответ», следователи тогда предлагали допрашиваемым подписывать каждый из своих ответов. Это – вообще высший пилотаж следствия. Здесь всё зависит от количества вопросов и от их продуманности. Если задавать одинаковые по смыслу, но разные по звучанию вопросы с промежутком примерно в полчаса, то не факт, что второй ответ на один и тот же по смыслу вопрос будет аналогичен первому. И тогда:

ВОПРОС: Вы продолжаете упорствовать и не желаете сотрудничать со следствием, надеясь, видимо, избежать ответственности за совершённые злодеяния. В рамках этого допроса Вам был задан вопрос....., на который Вы пояснили, что.....После этого Вам был задан вопрос....., на который Вы пояснили уже иное, а именно.....Прошу Вас сказать, когда же Вы дали правдивые показания и по какой причине продолжаете вводить следствие в заблуждение и изворачиваться?

Читая эти вещи, грамотно расписанные в обвинительном заключении, любой председатель военного трибунала (военного суда) уже формирует у себя предубеждение – «так он ещё и изворачивается, мерзавец. Несомненно, виновен»...

Было время (несколько лет назад) когда Главная военная прокуратура, даже без заявлений родственников, пересматривала и изучала уголовные дела в отношении военнослужащих, которые были осуждены военными трибуналами за совершение государственных преступлений: контрреволюционных и особо опасных преступлений против порядка управления. То есть - по составам, охваченным ст. ст. 58 – 59 УК РСФСР в редакции Постановления ВЦИК от 22 ноября 1926 года. Было изучено огромное количество уголовных дел, которые доставлялись в Главную военную прокуратуру ежедневно из ОРАФ (отдел регистрации и архивных фондов) ФСБ России.

И, знаете, что я вам скажу? По подавляющему большинству подобного рода дел, к своей чести, ГВП не вносила протесты в Военную коллегия Верховного суда, утверждая тем самым, что обвиняемый осужден совершенно заслуженно и квалификация его деяний полностью соответствует тем обстоятельствам дела, которые были установлены и действующему на тот момент законодательству.

Пользуясь случаем, я хочу привести на ваш суд материалы одного такого уголовного дела в отношении красноармейца 1152 стрелкового полка РАТНИКОВА Павла Андреевича. Эти материалы мне были переданы в виде статьи, подготовленной для «Ведомостей» Главной военной прокуратуры. Они систематизированы и оформлены старшим помощником военного прокурора Приволжско-Уральского военного округа полковником юстиции Яковлевым О.Ф. Причём, сразу заметно, что этот офицер – явно наделён литературным талантом: он не просто привёл материалы уголовного дела. Он сумел как бы оживить персонажи, придать им характеры, раскрасить их и оживить. Поэтому подготовленную им публикацию я привожу, совершенно не меняя в ней ничего. Как есть.

Я хочу, чтобы каждый из вас, ознакомившись с предлагаемыми материалами, ответил бы себе до конца честно на вопрос: считаете ли вы РАТНИКОВА подлежащим реабилитации или не считаете?

Своё мнение я пока что оставляю при себе. Боюсь, что оно многих из вас не устроит и, очевидно, возмутит. Но хочу вас уверить, что оно сформировалось практически сразу после прочтения мной этих материалов. Читаем и делаем свои выводы, а потом – я обосную для вас своё мнение.

Приятного чтения, друзья.

ПИСЬМО БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА.

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ПЕРЕПИСКИ.

Из оперативной переписки Управления НКВД СССР по Челябинской области, октябрь 1942 года.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Начальнику Особого отдела НКВД Уральского
военного округа майору госбезопасности
товарищу МАРСЕЛЬСКОМУ.

гор. Свердловск, угол ул. Вайнера и Ленина,
дом 6/21.

Управлением НКВД по Челябинской области розыскивается РАТНИКОВ Павел Андреевич, 27 ноября 1899 года рождения, уроженец города Омутинска Кировской области, с образованием 3 класса, из рабочих, женатый. РАТНИКОВ до призыва в ряды РККА проживал в городе Верхнем Уфалее Челябинской области и работал листопрокатчиком на металлургическом заводе. Будучи враждебно настроен к Советской власти, весной 1941 года направил на имя руководителя Партии и Правительства тов. И. В. Сталина анонимное письмо контрреволюционного содержания.

В результате оперативных мероприятий нами добыты образцы почерка РАТНИКОВА (заявление на получение социального пособия, написанное РАТНИКОВЫМ в июле 1941 года по просьбе жительницы Верхнего Уфалея гражданки Согриной Н.А.).

По заключению экспертов-почерковедов 4 специального отдела НКВД СССР, анонимное письмо И. В. Сталину и заявление Согриной исполнены одним и тем же лицом – РАТНИКОВЫМ.

В настоящее время РАТНИКОВ находится в составе действующей армии. Для применения мер социальной защиты просим оказать содействие в установлении его местонахождения. Оперативные материалы направим в установленном порядке.

Начальник Управления НКВД
по Челябинской области
капитан госбезопасности
НИКИФОРОВ.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Начальнику Управления НКВД по Челябинской области
капитану госбезопасности НИКИФОРОВУ.

Материалы оперативной разработки в отношении РАТНИКОВА П.А. направляйте начальнику Особого отдела НКВД 50 общевойсковой армии (239 полевая почта). Датк высылки сообщите дополнительно.

Начальник Особого отдела НКВД УрВО
майор госбезопасности
МАРСЕЛЬСКИЙ

НА ПЕРЕДОВОЙ.

Осенью 1942 года обстановка на советско-германском фронте продолжала оставаться крайне напряжённой. Ценой невероятных усилий советским войскам удалось приостановить продвижение немцев на Кавказ и в район Сталинграда. Вермахт, исчерпав все имеющиеся возможности, был вынужден прекратить наступление на левом крыле советско-германского фронта. Согласно приказу Гитлера № 1 от 14 октября 1942 года его армии, прочно удерживая захваченные территории, перешли к обороне почти на всём протяжении фронта от Холма до Орла. Правда, командованию вермахта так и не удалось воспользоваться затишьем и укрепить группировку, которая продолжала наступать на юго-западном и южном направлениях. В немалой степени этому способствовали активные действия войск Западного и Калининского фронтов, противостоящих группе армий «Центр». В состав Западного фронта входила 50-я общевойсковая армия. К 1152-му полку 344-й стрелковой дивизии с августа 1942 года был приписан Павел РАТНИКОВ.

Воевал РАТНИКОВ не хуже других. Он прошёл Гражданскую войну, служил в рядах Рабоче-Крестьянской милиции и выделялся среди бойцов своего взвода, основная масса которых, что называется, не нюхала пороха. Однополчане уважали 43-летнего уральца за выдержку, смелость

и твёрдость характера. Вместе с тем, их несколько удивляли его постоянные разговоры о просчётах командования, о злоупотреблениях тылового начальства, незавидной доле рабочих металлургического завода, на котором он работал. Такие разговоры заставляли их сторониться несправимого правдолюбца.

В условиях жесточайшего террора карательных органов, да к тому же в военное время, откровения Павла РАТНИКОВА были непозволительны и опасны. Собеседники Павла в основном угрюмо отмалчивались, хотя многие из них понимали состоятельность доводов РАТНИКОВА. Поддакивал РАТНИКОВУ лишь помощник командира отделения Гуков, посмеиваясь при этом. А РАТНИКОВ и не нуждался особо в слушателях – уходил в землянку и, завалившись там на нары, подолгу размышлял. Вспоминал рано умерших родителей, брата Василия, который был арестован в конце 30-х годов как враг народа. Его назойливо преследовали воспоминания о его злключениях во время работы на Верхне-Уфалейском металлургическом заводе в Челябинской области. В который раз до мельчайших подробностей он анализировал конфликты с администрацией по поводу тяжёлых условий труда, несвоевременных выплат заработной платы. Много выпили ему крови заводские чиновники. Вот тогда он и сорвался – сгоряча написал письмо самому товарищу Сталину, в котором, что называется «излил душу». В письме он рассказал не только о безобразиях, что творились на заводе, но и откровенно признал, что организация труда и быта рабочих на том же предприятии в царское время была более чёткой и слаженной. При этом он не думал посягать на государственный строй и господствующую идеологию. По его мнению, он лишь оценивал результаты работы конкретных людей, призванных быть профессионалами своего дела.

Письмо он не подписывал по понятным причинам – боялся ответственности. В стране было неспокойно: одна волна арестов сменяла другую. «Не думаю, что во всём этом виноват сам товарищ Сталин. Сталин – в Москве. Ему неизвестно, что здесь творят местные руководители», - так рассуждал РАТНИКОВ. Подумал, подумал, и письмо отправил.

Время шло. Условия быта рабочих на заводе не улучшались. Пришла война. Основная масса руководителей, с которыми РАТНИКОВ постоянно спорил сумели получить бронь и избежать отправки на фронт. РАТНИКОВ же напротив, пошёл на фронт добровольцем. Причём – по личному убеждению, что Родину могут защитить только такие, как он – зрелые, кряжистые мужики, умеющие драться, а не пацаны, не нюхавшие пороха.

- Не могу сдерживать себя, так и подмывает правду-матку резать, - признавался РАТНИКОВ сослуживцам, - Понимаю, что молчание – золото. Да я всегда алтыном обходился.

Постоянно вспоминал жену, которая так и не смогла родить ему ребёнка. Она прекрасно читала стихи, которые он запомнил очень хорошо:

Не болей за весь мир, не болей.
Поболей за себя хоть однажды.
Приезжай к нам в родной Уфалей.
Здесь грибы под берёзою каждой.
Здесь леса и широкая степь.
Над ручьями – черёмух прохлада.
Так и хочется сердцем запеть,
Ну, чего нам с тобой ещё надо?

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.
(ноябрь 1942 года)**

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
«УТВЕРЖДАЮ»

Начальник особого отдела НКВД
50 армии
ст. лейтенант госудбезопасности
ХАНИН

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о принятии дела к производству**

Я, следователь особого отдела НКВД 50 армии младший лейтенант госбезопасности Белов, рассмотрев поступивший в особый отдел НКВД 344 дивизии 50 армии материал о преступной деятельности красноармейца 1152 стрелкового полка РАТНИКОВА Павла Андреевича,

НАШЕЛ:

РАТНИКОВ до призыва в ряды РККА работал листопрокатчиком на Верхне-Уфалейском металлургическом заводе в Челябинской области. Весной 1941 года он написал анонимное письмо на имя руководителя Партии и Правительства, которое по своему содержанию является контрреволюционным. Тем самым РАТНИКОВЫМ совершено преступление, предусмотренное частью 1 ст. 58-10 УК РСФСР. В настоящее время в распоряжении особого отдела имеется дополнительная оперативная информация о противоправных действиях РАТНИКОВА, в которых содержатся признаки состава преступления, предусмотренного частью 2 ст. 58-10 УК РСФСР. Руководствуясь изложенным, а равно необходимостью дальнейшего документирования возможной преступной деятельности РАТНИКОВА,

ПОСТАНОВИЛ:

Следственный материал на РАТНИКОВА принять к своему производству и приступить к расследованию.

Следователь особого отдела НКВД 50 армии
младший лейтенант госудбезопасности
БЕЛОВ

АРЕСТ И ОБЫСК РАТНИКОВА ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА
«САНКЦИОНИРУЮ»
ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР 50 АРМИИ
БРИГВОЕНЮРИСТ БОГАТИКОВ

НКВД СССР
ОСОБЫЙ ОТДЕЛ НКВД
344 стрелковая дивизия

ОРДЕР

Настоящий выдан сотруднику Особого отдела НКВД 50 армии сержанту ГБ тов. Бисюгину на производство ареста и обыска РАТНИКОВА Павла Андреевича в расположении 1152 стрелкового полка 344 стрелковой дивизии.

Начальник особого отдела НКВД
50 армии
ст. лейтенант госудбезопасности
ХАНИН

Надпись на обороте: «Читал. Ратников».

ДОПРОС.

Особый отдел располагался в бывшем здании начальной школы села Бурмакино. Следователь армейского особого отдела Белов готовился к допросу РАТНИКОВА. Главным в десятистраничном следственном материале было письмо РАТНИКОВА товарищу Сталину. «А ведь похоже, что действительно, враг», - подумал Белов, внимательно прочитав само письмо, донесения информатора Гукова относительно ратниковских разговоров с бойцами, а также показания Согриной. Теперь Белов внимательно изучал заключение графологической экспертизы. Сомнений у следователя не было – враг. Мало того, что он занимался пропагандой и агитацией, направленной на подрыв или на ослабление Советской власти до призыва в РККА: написал письмо контрреволюционного содержания на имя Главы Партии, постоянно доказывал руководителям предприятия, что «при царе было лучше». Так и ещё, будучи бойцом РККА, в военной время и в боевой обстановке не оставляет своих занятий: ведёт с бойцами подразделения какие-то провокационные разговоры, зарождая тем самым сомнения в правильности принятых командованием решений, в справедливости социалистического строя. Понятно, что здесь нет и намёка на шпионаж, но такие вещи, да ещё в условиях фронта – надо немедленно пресекать. Далек может зайти такая говорильня. Вот, и военный прокурор армии – Богатиков – уж насколько внимателен к мелочам, любит вопросы задавать. А здесь – посмотрел внимательно весь материал и санкционировал арест сразу же, даже убеждать не пришлось.

В кабинет двое вооружённых бойцов втолкнули РАТНИКОВА. После ареста Павел замкнулся в себе. Он до конца так до сих пор и не понял, в чём собственно, его подозревают. Полагал, что Гуков донёс о каких-либо неосторожных разговорах. Гукова он заподозрил сразу. Другие – этого по его, РАТНИКОВА, мнению, донести не могли.

Белов никогда подследственных не бил. Он считал это бесполезным для работы. По его мнению, физическое воздействие на подследственного равным счётом не решало ничего в механизме доказывания. Оно было оправдано только в одном-единственном случае: когда требовалось надавить и получить немедленное подтверждение собственной правоты. Например, когда, подвергнув арестованного физическому воздействию, от него получалась информация о месте, где тот спрятал похищенное оружие или – рацию, или парашют и при обследовании – искомое находилось. Только в этом случае физическое воздействие на арестованного оправдано и приносит реальную пользу. Во всех остальных случаях, считал Белов, оно вредно и ничего не приносит.

Начал Белов издали. Осведомился у РАТНИКОВА о службе, жене, судьбе репрессированного брата Василия. Высказал своё одобрение тем, что РАТНИКОВ не в пример брату – воюет на фронте, выполняет свой воинский долг. Затем вскользь упомянул о том, что в их подразделении есть люди, которые информируют особистов о настроениях среди бойцов, не называя конкретно фамилии Гукова и как бы осуждая этих людей. РАТНИКОВ на доверительный разговор не шёл и замыкался в себе, отвечая односложно.

Тогда Белов поменял тактику и стал рассуждать о проблемах, которые волновали сегодня всех и каждого: о контрнаступлении под Сталинградом, об упразднении института

политкомиссаров, и так далее. Вскоре ему удалось втянуть РАТНИКОВА в оживлённое обсуждение этих общих тем. На самом деле ему это и было нужно. Театрально и убедительно Белов заговорил о некоторых просчётах командования, о злоупотреблениях тыловых служб и вдруг неожиданно, глядя РАТНИКОВУ прямо в глаза, выпалил:

- А товарищ Сталин тебе что, тоже не по душе? Учить вождя вздумал?!

Не давая ошолобевшему РАТНИКОВУ опомниться, Белов предъявил ему его письмо, показания Согриной, а также - заключение экспертов-графологов. РАТНИКОВ сразу всё припомнил: и свои откровения вождю на тетрадном листке, и неграмотную Настасью Согрину, которой перед уходом на фронт написал заявление на получение пособия. Гукова тоже вспомнил. Он вспомнил всё и всё подписал.

ИЗ ПРИГОВОРА ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА. (декабрь 1942 года)

Именем Союза Советских Социалистических республик. Военный трибунал 344 стрелковой дивизии в закрытом судебном заседании в расположении дивизии, в составе: председательствующего – военного юриста 2 ранга Прапорщикова, членов трибунала – лейтенанта Михайлова и капитана Герасимова, при секретаре – младшем военном юристе Поповой, рассмотрев уголовное дело по обвинению красноармейца 1152 стрелкового полка РАТНИКОВА Павла Андреевича по обвинению последнего в совершении преступления, предусмотренных частью 2 ст. 58-10 УК РСФСР

УСТАНОВИЛ:

Подсудимый РАТНИКОВ до своего призыва в ряды РККА собственноручно исполнил письмо контрреволюционного содержания, в котором клеветал на Советскую власть, оскорблял руководителя Партии и Правительства, восхвалял старый царский строй и его порядки.

Находясь на фронте, РАТНИКОВ проводил среди бойцов контрреволюционную агитацию, клеветал на командный состав Красной Армии.

Своими действиями РАТНИКОВ тем самым совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР.

Военный трибунал, руководствуясь при этом положениями ст. ст. 319 – 320 УПК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛ:

РАТНИКОВА Павла Андреевича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР и подвергнуть последнего высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Председательствующий
Члены:

военюрист 2 ранга ПРАПОРЩИКОВ
лейтенант МИХАЙЛОВ
капитан ГЕРАСИМОВ

ВОЕННОМУ СОВЕТУ 50 АРМИИ

Военным трибуналом 344 стрелковой дивизии к высшей мере наказания по ч.2 ст. 58-10 УК РСФСР приговорён рядовой РАТНИКОВА Павел Андреевич. Подробные обстоятельства дела Вам докладывались ранее. Полагал бы приговор военного трибунала в отношении осужденного оставить в силе и привести в исполнение перед строем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА 50 АРМИИ БРИГВОЕНЮРИСТ ЕФИМОВ
ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР 50 АРМИИ БРИГВОЕНЮРИСТ БОГАТИКОВ

Резолюция красным карандашом, росчерком, поперёк страницы: «Приговор в отношении РАТНИКОВА применять перед строем нет смысла». Член военного совета армии генерал-майор Звинчуков.

ВЫСШАЯ МЕРА И КАК ОНА ИСПОЛНЯЕТСЯ.

РАТНИКОВ до конца так и не мог поверить, что его – действительно расстреляют. Он ведь так хорошо бил врага. Так старался быть нормальным солдатом. Ранним утром 31 декабря его на полуторке доставили в район деревни Шитово Смоленской области. Стояла оттепель. Никакого конвоя не было. Лишь вооружённый водитель, следователь НКВД Белов, председатель военного трибунала Прапорщик и военный прокурор 344 стрелковой дивизии военный юрист 3 ранга Казаков.

Все вместе отошли примерно на полкилометра от большака в сторону леса. РАТНИКОВУ дали лопату, и он стал рыть себе могилу. Выкопав, встал в неё. Глубина пришлась как раз по пояс – над землёй торчала верхняя часть туловища. Повернулся спиной к сопровождающим. Те, достав оружие, дали залп. Потом – водитель полуторки закопал могилу, прихлопнул свежую горку лопатой и бросился, чертыхаясь и поскользываясь по заледенелой тропке, догонять других. Всё.

Хотите моё мнение? Вот, извольте. РАТНИКОВ осужден и расстрелян совершенно правильно и обоснованно. И реабилитации – подлежать не может. Дело в том, что нам, с позиции сегодняшнего мирного времени многие действия и решения той поры кажутся излишне жестокими, неоправданно крутыми. Однако, для того, чтобы оценить те или иные решения, нужно поставить себя именно в ту ситуацию, в то время.

На самом деле, рассуждения РАТНИКОВА о советском строе, о порядках на заводе, о том, что при «царе было лучше» – естественно ничего опасного из себя не представляют. Если он это скажет – Советская власть устоит, не сомневайтесь. Но. Только в том случае, если он это скажет шёпотом на кухне жене, или ей же – тоже шёпотом, но под одеялом. Но если он те же вещи говорит в воинском коллективе, который находится в боевой обстановке, постоянно пребывает под давлением стрессов: и немецкое наступление, и потери друзей, и оккупация местности, где остались родные, и потеря связи с жёнами, и сама опасность ежедневно быть убитым – тут уже такого рода рассуждения воспринимаются совершенно по-иному. И оцениваются по-иному. Тут уже такого рода рассуждения вполне способны из нормального боевого подразделения сделать сначала некое подобие ни в чём не уверенной и аморфной серой массы, а потом – озлобленную толпу, которая не понимает, «почему они должны умирать, когда командиры – ошибаются», а «тыловики – воруют». Плюс к этому, прибавьте, соответствующую немецкую агитацию через линию фронта – листовки, матюгальники и всё такое прочее.

Ведь следует обратить внимание вот на что: изначально действия РАТНИКОВА квалифицировались по ч. 1 ст. 58-10 (когда речь шла только о его письме). По этой части статьи санкция предусматривает лишение свободы на срок не ниже 6 месяцев. И всё. Столько «стоило» бы ему письмо Сталину, не распускай он язык у себя в роте. Но РАТНИКОВ же не угомонился – а продолжал болтать и своей болтовнёй разлагать в общем то здоровый воинский коллектив. Так его расстрел – зло или благо?

Я считаю, что зло, но зло необходимое.

С позиции дня сегодняшнего вы – жалеете ратниковых. С позиции дня сегодняшнего вы – восхищаетесь фильмом «Дети Арбата». С позиции дня сегодняшнего вы – сочувствуете его героям и сопереживаете им, ненавидя Сталина, считая его трусливым неврастеником.

Полно вам. Вдумайтесь, кому вы сопереживаете. Герои указанного кино-пасквиля – отщепенцы, развращённая столичная молодёжь, которая никак не желала принять участие в строительстве собственной страны, а хотела одного – комфортного безделья на Арбате, в центре Москвы. Из них никто не работал на строительстве Метрополитена, никто не работал на заводе. Главная героиня в исполнении Чулпан Хаматовой – напоминает мне даму-бездельницу из 19 века, которая всё подвергает сомнению, критикует, а сама – пустышка, не приносящая никому никакой пользы, даже случайному мужу-бильярдному шулеру. Небо коптит. И все восхищаются. Чем? Чем тут можно восхищаться?

Вот в чём опасность таких вещей, какими занимался РАТНИКОВ в условиях фронта. Именно поэтому и был расстрелян. Именно поэтому – не подлежит реабилитации.

А как вы думаете?

